

© 1999 г.

П.А. СОРОКИН

СОЦИОЛОГИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

"Подготовительный" характер современной социологии

Спенсер, Тард, Бернар, Уайтхед, Берр и Йёль подмечали повторение в истории точных наук и философской мысли смен периодов аналитики и поиска фактов с периодами синтеза¹. По этой теории общая социология последних примерно 45 лет (1920-1965) представляется более аналитической и фактографической, чем общая социология предшествующего периода (1875-1920). В сравнении с нынешним периодом общая социология конца XIX - начала XX вв. была продуктивней в формулировании огромного социологического синтеза, в открытии широких схожестей (uniformities) и тенденций и в построении больших систем социологии. На примерах систем Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Тарда, Вебера, Шелера, Зиммеля, Шпенглера, Тенниса, Уорда, Самнера, Парето, Росса и других этот период создал и развил социологию как генерализирующую науку, смело очерчивающую свой сущностный характер, свой предмет и объект, задачи и методы. Их синтетические теории и до сих пор - основа и референтная система социологии сегодняшнего дня.

Диагноз современной социологии: преимущественно аналитическая, разрабатывающая новые темы, собирающая факты, - вытекает из нескольких ее сущностных характеристик.

1. В сравнении с исследованиями предшествующего периода, социологические исследования последнего времени в большей степени концентрируются на методах исследования и несколько в меньшей мере на открытии и формулировании *широких сущностных теорий*, касающихся социокультурных проблем.

2. Основная часть социологических исследований последнего периода посвящена в большей мере *сравнительно специальным "микросоциологическим" проблемам*, и лишь малая

Доклад президента социологической ассоциации США ежегодному съезду Ассоциации, Чикаго, сентябрь 1965 г. - *Pitirim A. Sorokin*. Harvard University. *Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow* // *American Sociological Review*, December 1965, Vol. 30. № 6. Pp. 833-843.

¹ "Каждая наука имеет свои эпохи дедуктивного размышления и свои эпохи, когда внимание главным образом обращено на сбор и обобщение фактов", - *H. Spencer*. *First Principles*. NY: Appleton. 1888. P. 269.

"Вполне можно предсказать, что столетие привыкания... сменится столетием открытий... Цивилизация требует, чтобы приток открытий и попытка гармонизировать открытия совладали или следовали друг за другом" - *G. Tarde*. *The Laws of Imitation*. (Trans. by E.C. Parsoas). NY: Henry Holt. 1903. Pp. 151 ff.

"Итак, мы видим, что экспериментирование и систематическое теоретизирование от Галена до нашего времени сменяют друг друга". - *C. Bernard*, цит. по: *F. Mentre*. *Les Generationes sociales*. Paris: Editions Bossard, 1920, p. 37. А Берр считает, что такие перемены в социальных и гуманитарных науках происходят каждые 30-40 лет (Цит. по *Mentre*. Op. cit. Pp. 36-38).

"Новые направления мысли возникают из вспышек интуиции, давая новый материал для научного знания... Один аспект приключения идей - история взаимодействия рассуждений и науки, черта, проходящая через века прогресса". Между сменяющимися друг друга периодами творческого интуитивного синтеза и научной разработки и анализа лежат периоды "счастливого равновесия" периоды "кульминирующего величия". - *A.N. Whitehead*. *Adventures of Ideas*. NY: Macmillan, 1933. P. 138 и Гл. 7. Карл Йёль (Joel) также пишет о смене периодов "связывания и развязывания" (*Bindung und Losimg*), интеграции и дифференциации в истории философской мысли, - в "Wandlungen der Weltanschauung: Eine Philisophiegeschichte als Geschichtsphilosophie" (2 vols.). Tubingen, J.C.B. Mohr. 1928-1931. Vol. 1. Pp. 22-26.

О вариантах двухфазных ритмов см: *P. Sorokin*. *Social and Cultural Dynamics*. NY: Bedminster Press, 1953. Vol. IV. Pp. 398ff. (Orig. Pub. American Book Co., 1941).

ее часть исследовала такие фундаментальные "макросоциологические" проблемы социальной и культурной реальности как "цивилизации", "культурные системы и сверхсистемы", "глобальные общества" и социальные системы истории. Увлечение многих социологов узкими конкретными феноменами породило *отрицание широких исследований базовых социокультурных форм и процессов*, "больших систем социологии", философского анализа предпосылок и гипотез эмпирических исследований.

3. Основная часть современных исследований это прежде всего *повторы, вариации, уточнения и верификация* методов и теорий, разработанных социологами предшествующего периода начиная от механистичной и кончая социологичной школами². Почти все мелкие уточнения и ре-формулировки прежних теорий и схожестей касаются явлений второго плана. Лишь немногие из этих уточнений представляют собой нечто революционное, принципиально новое³. Они дают нам большие статистические выборки и коллекции "фактов"; предлагают некоторые уточнения методов опросов и интервью, статистических выборок, обработки данных, контент-анализа, некоторое совершенствование социометрических, психометрических, психодраматических, "шкалограммных", "групподинамичных", "операциональных", "проективных", "кибернетических", "семантических", "экспериментальных", "функционально-структурных" и "аналитических" исследований; они дают нам ряд формул сходства, показателей и тестов, якобы более точных, чем прежние; время от времени они предлагают улучшенный вариант прежней социологической теории. Но уточнения и новые формулировки, рассмотренные в свете прежних течений социологической мысли, оказываются, в лучшем случае, лишь уточняют частности, а иногда вообще не уточняют ничего. Несмотря на огромную массу выполненных за это время социологических исследований, это был за небольшими исключениями скорее "приземленный", "эпигонный" и "александрийский", нежели истинно творческий период. За это время не появилось не только новых Платонов и Аристотелей, Ньютонов и Галилеев социологии, но и таких видных социологов, лидеров конца XIX - начала XX вв., как Спенсер, Тард, Дюркгейм, Вебер, Парето, Шелер, Шпенглер, Уорд, Самнер, У.А. Томас и др. Он остается "эпигонным" также в своем внимании к "негативным" социальным явлениям (преступность, помешательства, конфликты и другие формы "социокультурной патологии") вместо концентрации на таких позитивных феноменах как гений, творчество, альтруизм и т.д.

4. Социологические исследования все больше обретают коллективные формы. Благодаря участию большой армии исследователей в коллективных исследованиях, "экскаваторы" многочисленных исследовательских команд нарыли огромную массу "фактов". В этой массе временами естественно попадались крупинки "золота" познания. Но выемка породы дала мало золотых самородков и не вскрыла богатую жилу нового социологического знания⁴. Немногие найденные самородки добыты большей частью "старателями-одиночками" - социологами и не-социологами.

5. Вопреки увлеченности узкими проблемами, методами исследования, накоплением фактов, социологи последнего времени проявили явную склонность формулировать самые разные "аналитические" теории и конструировать обобщенные "концептуальные схемы", модели социокультурных явлений, якобы применимые ко всем, или ко многим системам, группам и культурам ("теории среднего уровня"). Это занятие так популярно, что один коллега иронически называет его: "Смотри, мама! Я теоретизирую" (*Примеч. переводчика*).

² Их анализ см.: P. Sorokin. Contemporary Sociological Theories. NY: Harper, 1928.

³ Аргументацию этого тезиса см. в: P. Sorokin. Fads and Foibles in Modern Sociology. Chicago: H. Regnery. 1956. и выходящей вскоре в свет моей книге "Sociological Theories of Today".

⁴ Из 1045 "открытий" (эмпирические научные открытия), отнесенных Берельсоном и Стайнером к "поведенческим наукам" последнего времени, по меньшей мере 90 процентов - фактически трюизмы, банальности, открытия, давно уже сделанные философами, биологами и другими учеными, а не "поведенческими науками"; значительная часть "находок" представляет собой замаскированные методологические, философские и спекулятивные посылки, которые едва ли можно назвать "научными эмпирическими исследованиями". Лишь 5-10 процентов из этих 1045 "открытий" можно считать мелкими научными открытиями в психологии, биологии, антропологии и социологии недавнего времени. Хотя "перечень" научных открытий неимоверно раздут, в нем опущены некоторые сходства "среднего уровня", в последнее время выявленные социологами, в познавательном плане гораздо более значимые, чем большинство "мелких открытий", приведенных в этом перечне". См.: B. Berelson, G.A. Steiner. Human Behavior An Inventory of Scientific Findings. NY: Harcourt, Brace and World. 1964.

6. Следствие такой склонности - ошеломляющее множество⁵ систем. Это естественный итог господства аналитически-фактографического метода изучения многомерных социокультурных реальностей. По природе эти подходы сводятся к концентрации на *избранном аспекте или наборе фактов, извлеченных и выделенных из сложных, многомерных явлений.*

Теория такого рода, аналитическая или фактографическая, выделяет из цельной многомерной действительности человеческого мира одно из его измерений (элементов, частей или связей), детально изучает его и затем представляет результаты исследования в виде полностью разработанной "экологической", "психологической", "поведенческой", "формальной", "диалектической", "феноменологической", "кибернетической", "социометрической", "психоаналитической" или иных социологических теорий. Именно таким образом возникло и получило широкое распространение в современной социологии огромное количество разнообразнейших и часто противоречащих друг другу течений социологической мысли.

⁵ Современная классификация основных типов нынешних социологических теорий отражает это множество и разнообразие. Дон Мартиндэйл среди основных типов называет "Позитивный органицизм", "Теорию конфликта", "Формальную школу", "Социальный бихевиоризм" и "Социологический функционализм". В работе *The Nature and Types of Sociological Theory*, Boston, Houghton Mifflin, 1960, Ч. и З. Лумис называют семь типов изученных ими социологов: "типологический аналитик", "обобщающий специалист аналитик", "теоретик интерактивник", "структурный аналитик", "историко-системный аналитик", "аналитик социальных институтов и систем" и "теоретик общего социального действия и социальных систем", - *Modern Social Theories*, Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1961. А. Кювиле перечисляет следующие школы социологии: биологические, психологические, школа Дюркгейма, метафизики, систематики, феноменологии, специалисты по отношениям, социологи исторические, бихейвористы, социопсихологи, инстинктивисты, персоналисты и др. См. его *Manuel de Sociologie* (2 изд.), Paris, Presses univers. de France, 1962, Гл. 2. Н.С. Тимашев выделяет неопозитивистское, экологическое, функциональное, аналитическое, философское и историческое течения социологической мысли в *Sociological Theory*, NY: Random House, 1957. П.Д. де Гусмано в книге *Teorias sociologicas*, Rio de Janeiro: Fundo de cultura, 1962, дифференцирует следующие типы социологической теории: энциклопедические, эволюционно-органические, экономические, психо-социологические, реалистично-социологические, отношенческие, механистические, понимающие, культурные, флукуационные, циклические, феноменологические, социометрические, эпистемологические и социоактивные. Еще более сложную детальную классификацию дает Г.Р. Вагнер в "*Types of Sociological Theory: Toward a System of Classification*" *II American Sociological Review*, 218 (1963), pp. 735-742. Он делит социологические теории на три главных класса: А. "Позитивные социологические теории", подразделенные на неопозитивизм, человеческую экологию, структурный функционализм, социальный бихейворизм и биопсихологическую теорию культуры; В. "Интерпретативная социология" с подклассами теории культурного понимания, интерпретативная социология действия и интеракций, интерпретативная социальная психология и социальная феноменология; В. "Ненаучная или оценочная теория" с ее подклассами: общественно-философская теория, идеологическая социальная теория и теория гуманитарного реформирования. Каждый из подклассов в свою очередь подразделяется на ряд подгрупп. См. также Р. Аграмонте *Estudios de Sociologia Contemporaneas*. Mexico: Universidad National Autonoma, 1963, и А. Повина *La Sociologia Conlemporanea*, Cordoba: Assandri, 1954.

В работе "*Sociological Theories of Today*" я классифицирую основные течения социологической мысли последнего времени так (каждая подгруппа основного течения в свою очередь делится на ряд подклассов):

1. Сингулярвствско (от англ. - *singular* - единственный. *Прим. переводчика*)-атомистические теории:
 - А. Физикалистски-механистические;
 - Б. Квантитативно-атомистические
2. Системные теории: макросоциологии культурных систем или цивилизаций:
 - А. "Тоталитарная",
 - Б. "Нетоталитарная",
 - В. "Дихотомичная",
 - Г. "Типологичная"
3. Системные теории социальных систем:
 - А. "Социальное действие" и "аналитическая",
 - Б. "Функционально-структурная" и "номенклатурная",
 - В. "Диалектическая",
 - Г. "Псевдобихейвористская" (смешанная),
 - Д. Смешанные таксономии социальных систем (групп)
4. Интегральная система структурной и динамической социологии

Это сверхизобилие разнородных аналитических и фактологических теорий современной социологии - ее диалектическое преимущество и в то же время недостаток, ее сильная и слабая стороны, ее важный вклад в дальнейший рост научной социологии и потенциальный фактор ее стагнации и бесплодия.

Детальное исследование отдельных элементов, измерений, частей или отношений, выделяемых из всеобщей социокультурной реальности, позволяет каждой здоровой аналитической и фактологической теории дать нам более адекватное знание. Все здоровые аналитические и фактологические теории, *вместе взятые*, обогащают наше знание многих важных аспектов *всей социокультурной реальности*. Таково преимущество и вклад различных аналитических и фактологических теорий в современную социологию.

Их недостаток, ошибочность и опасность состоят в *империалистском распространении* основных посылок каждой из аналитических или фактологических теорий на иные реалии или на всю целостность социокультурной реальности и в *отсутствии интеграции, совместимости и взаимодополняемости* разнородных и несогласованных аналитических и фактологических теорий в одну интегральную теорию, которая даст здоровое знание не одного, а всех базовых аспектов целостного социокультурного мира и тем самым - более полное знание всей социокультурной реальности.

Опасность неоправданного распространения заключений отдельной аналитической или фактологической теории на всю социокультурную совокупность или на иные реалии вполне реальна. Фактически большая часть этих теорий распространяются таким образом; так совершается ошибка, заключающаяся в идентификации всей многомерной реальности с одним из ее измерений, элементом или одной связью, целого с его частью, разных социокультурных реальностей с отдельной избранной реальностью, изученной данной теорией, или в приравнивании к ней⁶. Эти ошибки часто перевешивают знание, даваемое аналитическими и фактологическими теориями. По этой причине они часто поощряют псевдонаучное невежество, а не научную истину. Пока любая из наук состоит в основном из такого рода теорий, она остается полунаукой, давая не только правду, но и полуправду, лже-правду и просто заблуждение. Пока современная в основном аналитическая и фактологическая социология зависит от подобных теорий, она остается полу наукой.

Отсутствие интеграции, совместимости и взаимодополняемости многочисленных аналитических и фактологических теорий в сегодняшней социологии - это также важная опасность, угрожающая дальнейшему творческому росту. Каждая из таких теорий дает знание только одной "частицы" (элемента, отношения, измерения или однообразия) огромной многомерной всеобщей социокультурной реальности; более того, "частица" изучается в состоянии изоляции, вырывается из "всей конфигурации", частью которой она является. *Все существующие теории этого рода несут в лучшем случае знание нескольких разбросанных "частиц" всей социокультурной совокупности, не раскрывая нам многого об их взаимных отношениях, их месте в общей совокупности или об этой совокупности в целом.* Такое знание явно недостаточно и вполне ограничено. Оно напоминает знание некоторых несобранных кусков детского конструктора. Загадка остается нерешенной, несмотря на знание ее частей. Подобно нескольким лучам света во тьме ночи, знание, данное описанными теориями, освещает несколько "пятен" в темноте, но не делает видимой всю реальность, скрытую мраком так, что *мы часто неверно интерпретируем даже освещенные светом "частицы"*. Ошибки в интерпретации "частиц", выхваченных светом из тьмы с помощью аналитических и фактологических теорий, неизбежны. Когда забываешь истины, непреложно установленные физическими, биологическими и психологическими науками, будь та "частица" "элементарной частицей", "атомом", "клеткой", "тканью", "органом", "организмом", "человеческим существом", "группой" или изолированным культурным явлением (искусства, науки, философии, этики, политики, экономики), *та же самая "частица" или "единица" обладает разными качествами в состоянии изоляции и как составная часть единой (цельной) системы.* Например, нейтрон, попав в ядро атома, становится стабильнее, в то время как в "свободном" состоянии он существует короткое время, распадаясь на протон, электрон и нейтрино. Свойства атомов, ионов, радикалов заметно меняются при попадании в молекулу. То же относится к клетке, ткани, органу, организму, человеку,

⁶ Все эти теории нарушают принцип пределов, за которыми они становятся ложными или ошибочными. См. об этом принципе в моей книге "Society, Culture and Personality". NY: Harpers, Гл. 46 и "Social and Cultural Dynamics", Vol. IV. Гл. 14.

социальной группе и явлению культуры⁷. В результате непропорционального прироста знаний о "частицах", добываемого аналитическими и фактологическими теориями, недостаточности и неточности этих знаний, по преимуществу названные теории в последнее время лишь незначительно расширили наше знание общей социокультурной реальности, особенно многомерных, макросоциологических систем "цивилизаций", культурных супер-систем, крупных исторических социальных систем. Иногда они несли больше псевдонаучной лже-правды, полуправды и заблуждений, чем реальной правды.

Это объясняет, почему дальнейшее продуцирование аналитических и фактологических теорий не может значимо обогатить наше знание общей социокультурной реальности и почему социология (или другая наука) должна перейти - ради своего дальнейшего роста - от фазы преимущественно аналитической теории и фактологического исследования к фазе синтеза, согласования и интеграции всех здравых аналитических и фактологических теорий и их узких сходств (uniformities) в более широкие, обобщенные, многомерные теорию и сходства. Эти соображения также поясняют, почему аналитические и синтезирующие периоды развития наук и философии сменяют друг друга. Если социология, или другая наука, не может перейти из одного состояния в иное, она неизбежно впадает в застой и в растущее бесплодие, так как простое увеличение числа известных "частиц" общей социокультурной реальности не может дать нам адекватного знания целого. С другой стороны, не наращивая знания частиц и их эмпирических реальностей, возможно (или вообще невозможно) сформулировать лишь отдельные плодотворные синтетические широкие обобщения и важные аналогии: без нового релевантного эмпирического материала синтетически-обобщающие теории неизбежно все больше становятся голыми абстракциями, аскетически оторванными от эмпирических реальностей, мало добавляющими к пониманию их "что, как и почему".

Суммирую: сегодняшняя преимущественно аналитическая и фактологическая социология стоит на распутье. Если она решит остаться неопределенно долго в таком положении, она обречет себя на стерильное состояние знания все большего и большего о все меньшем и меньшем; если она выберет путь роста, она должна, в конце концов, войти в фазу синтезирующей, обобщающей и интегративной социологии.

Встает вопрос каковы шансы такого пути? Есть ли симптомы, признаки, что социология уже начала такой переход? И если такие признаки есть, то каковы вероятные контуры социологии будущего?

Прогноз контуров социологии будущего

Любое предсказание будущего пути науки, творческой деятельности не может не быть конъюнктурным, так как понятие творчества предполагает новое, непредвиденное и непредсказуемое.

Констатируя это и полагая, что не будет мировой самоубийственной войны, я склонен верить, во-первых, что социология продолжит расти не только внешне, что она успешно делала в последний период, но внутренне, как обобщающая наука о надорганической и социокультурной реальности; во-вторых, чтобы этот рост имел место, она все больше будет переходить от нынешнего, преимущественно аналитически-фактографического к преимущественно интегративному, синтезирующему и генерализирующему характеру; в-третьих, что уже есть некоторые признаки такого перехода и трансформации; в-четвертых, что грядущая социология путем согласования и взаимного дополнения с нынешними во многом противоречивыми аналитическими и фактографическими теориями значительно расширит знание всего надорганического человеческого мира, а также его эмпирических измерений, связей и схожестей; в-пятых, что она будет исследовать позитивные, творческие социокультурные феномены не менее, чем негативные, патологические и разрушительные; в-шестых, что, достигнув всех возможных синтетических обобщений и равномерностей на этом этапе, социология вступит в новую аналитическую и фактологическую фазу сбора новых значимых фактов и аналитического изучения важных новых "частиц" социокультур-

⁷ Эту истину, несомненно, доказывает идущий в последнее время рост числа системных теорий во всех науках: физических, биологических, психологических и социокультурных. Об этом росте системных теорий, о доказательствах этой истины и соответствующую литературу см. мою работу "Sociological Theories of Today", Гл. 5 и др.

ной реальности. Эта смена двух фаз продолжится в будущем, если и пока социология будет зреть и расти.

Таковы мои предположения. Но каковы же причины и эмпирические признаки того, что сегодняшняя аналитически-фактологическая социология в итоге войдет в фазу социологии синтеза, обобщения и интеграции, объединив все здоровые части аналитических и фактологических теорий в логически и эмпирически валидную многомерную систему?

Мой первый аргумент в пользу такого прогноза уже приведен: никакая растущая наука не может вечно пребывать в фазе анализа и сбора фактов. Рано или поздно она войдет в фазу большого синтеза; иначе она обречена на застой и бесплодие. Это же относится и к синтетически-генерализирующей фазе. Я уже упоминал мой второй аргумент: эмпирический факт, что в истории растущих наук и систем философской мысли, такие фазы часто сменяли друг друга. Если логически и эмпирически эти смены были бы не нужны, они не происходили бы многократно в цикле жизни растущих наук. С другой стороны, периоды застоя в развитии науки, философии, изящных искусств, религии, этики, политики и экономики показывают устойчивую консервативную приверженность доминирующим, сложившимся рутинным образцам мысли, стиля и действия. Чем дольше держатся такие образцы, чем чаще они повторяются и практикуются, тем банальнее, бесплоднее и менее творческими бывают соответствующие науки. Мой третий аргумент - важный эмпирический факт растущего согласования между существующими аналитическими и фактологическими теориями, их прогрессирующее сближение с растущим набором принципов и посылок, согласующимся со всеми или с большинством из них. Ниже кратко перечислены некоторые из этих принципов и посылок⁸.

1. Прямо или косвенно все течения социологической мысли сейчас принимают социокультурные феномены как значимые, "нормативные", "ценностные", "надорганические" сферы реальности, отличные от неорганической и органической реальности.

2. Определяют ли четко нынешние течения социологии внутреннюю структуру социокультурных феноменов или нет, они все признают (прямо или косвенно) три четкие составные части этих феноменов: *интерактивных индивидов*, которые создают, реализуют - путем значимых действий и реакций (интеракций) - значения, ценности и нормы или обмениваются ими; "нематериальные" значения, ценности и нормы (часто именуемые "символами", "имиджами"), налагаемые на неорганические и органические феномены и тем самым преобразующие их в надорганическую реальность *suī generis*; и *биофизические пространства*, в которых и через которые взаимодействующие индивиды "объективируют", "материализуют" и обменивают свои "символические", "нематериальные" значения, ценности и нормы. Эти биофизические пространства суть "посредники" значимой интеракции и "застывшие консервы" значений, ценностей и норм, накапливаемых в бесчисленных значимых интеракциях в ходе человеческой истории. Этот третий компонент часто именуют "материальной культурой" или "материальным субстратом" общества.

3. У социокультурных феноменов три разных уровня воплощения: *идеологический*, данный в умах людей; *поведенческий*, реализуемый в открытом осмысленном взаимодействии; и *материальный*, объективируемый и укрепляемый в виде биопсихических "средств передачи" и "средств сохранения". Под разными терминами - "материальная культура", "материальная база общества", "символы", "идеологии" и "идеологическая надстройка", "эго" и "альтер", "социальное поведение", "социальные роли" и т.д. - эти три уровня признаны - явно или косвенно - практически всеми социологическими теориями нашего времени.

4. С иной точки зрения все социокультурные феномены обладают *культурными, социальными и личностными аспектами*. Хотя в эмпирической форме эти аспекты явно отличаются один от другого, тем не менее они представляют три главные конкретные формы многомерных надорганических феноменов. По этой причине эмпирические формы культурных, социальных и личностных аспектов социокультурной реальности прочно взаимозависимы, и ни один не может быть адекватно понят без учета двух других. Эта

⁸ Этот тезис о сближении развит и показан в моей книге "Sociological Theories of Today", Гл. 18 и др.; в моей книге "Society, Culture and Personality" и в моей "Динамике".

теория в разных независимых формах проявляется весьма часто в социологии, психологии и психиатрии последнего времени.

5. То же относится к различиям между *культурными системами* (с их подсистемами и суперсистемами) и *скоплениями*, между *социальными системами* (организованными группами) и *социальными скоплениями* (*congeries*) (неорганизованными и дезорганизованными скоплениями индивидов), между *интегрированными системами личностей* и *не интегрированными и дезинтегрированными личностями*. Объективной основой различения систем и неупорядоченных масс служит неоспоримый факт, что в социокультурной совокупности существуют причинные или причинно-значимые объединения (системы), равно как и разрозненные скопления, части которых смежны в пространстве, но лишены всякой причинной связи. Это различие подтверждается и объясняется фактом, что социокультурные системы изучаются в рамках недавно возникших системных теорий, в то время как социокультурные скопления исследуются сингуляристско-атомистическими теориями. Пока системные теории исследуют социокультурные системы, а атомистично-сингуляристские теории изучают социокультурные скопления, оба подхода и их методы полностью оправданы, дополняя друг друга.

Из различия между системами и скоплениями вытекают три другие принципа. Они также все чаще признаются большинством течений современной социологической мысли. Первый из этих принципов - различие *культурных систем* (скоплений) и *социальных систем* (скоплений). Это различие оправдывает исследование культурных и социальных феноменов как самостоятельных измерений общей надорганической реальности (с дальнейшим соединением результатов в синтезе более высокого уровня, выясняющим отношение культурных и социальных измерений друг к другу и к личностному измерению общей надорганической реальности). Это различие и вытекающий из него синтез в основном осуществлены, о чем говорят создание теорий "*культурологии*", отличной от теорий "*социологии*"; макро- и микро-социологические теории *культурных систем* ("*цивилизаций*", *Hochkulturen* (высоких культур) и "суперсистем"), отличных от теорий социальных систем; два вида теорий *Wissensoziologie* (социологии знания) - одна принимает как независимую переменную категорию *социальных групп* для объяснения *культурных систем* и скоплений, другая берет *культурную* категорию как независимую переменную и социальное как зависимую переменную. То же относится к *личностному измерению* и его отношению к *культурному и социальному измерениям* общей социокультурной реальности. Немногие психологи сейчас пытаются понять или объяснить индивида - его "ум" и поведение - вне социальных и культурных факторов; немногие социологи игнорируют накопленное психологами знание свойств ума и поведения человеческих существ. *Исследования этого измерения психологией и социологией комплементарны, они не взаимоисключающи и не противоречивы*, как еще утверждают отдельные лица.

7. Второй принцип - следствие отличия системы от скопления - это рост попыток классифицировать культурные и социальные системы в логическом порядке, где каждая система есть подсистема большей системы, начиная с мельчайшей единицы и кончая огромными культурными и социальными суперсистемами. В области *культурных систем* примером этой тенденции являются теории Шпенглера, Тойнби, Нортропа, Крёбера и моя теории "*цивилизации*" и культурных суперсистем с делением суперсистем на собственные крупные системы, а последних, в свою очередь, на меньшие системы и так далее до самых малых культурных систем.

В сфере *социальных систем* это проявляется в схожих попытках градации социальных систем, - от мельчайшей "социальной единицы" - диад, триад и "малых групп" в качестве подсистем более крупных социальных групп, до таких социальных суперсистем как самодостаточное "общество", самодостаточное "сообщество", "национальное государство", "глобальное общество" и самые большие "социальные системы" других социологов.

8. Третий принцип, вытекающий из названного различия, касается соответствующих методов изучения систем и скоплений. Поскольку скопления включают отдельный уникальный феномен или массу сингулярно-атомических феноменов, проблему подходящих методов (а также видов результатов познания, ожидаемых от каждого из методов) можно сжато сформулировать как пригодный метод для (и вид результата познания ожидаемого

от) изучения уникальных, неповторимых социокультурных массовых феноменов, повторяющихся во времени или в пространстве, а также социальных и культурных систем. Уникальные социокультурные феномены могут быть только *описаны*, как в идиографичной истории. Они не дают прочной основы обобщающих заключений или формул схожести. Уникальные социокультурные реалии соответствуют отдельному атому или частице микрофизического мира. Физики называют этот мир "микрокосмом беззакония", "сферой прерывности и неуверенности". Эта характеристика физического "микрокосма беззакония" хорошо ложится на уникальные социокультурные феномены. Они - плохая основа поиска схожестей, обобщенных предположений и научных предсказаний.

Скопления сингуляристских психосоциальных феноменов, часто повторяемых во времени и в пространстве (напр., рождения, смерти, браки, разводы, повторения ценовых колебаний и т.д.), поддаются статистическим наблюдениям и иногда индуктивным, экспериментальным тестам. Они соответствуют вечно повторяющимся макрофизическим феноменам крупных агрегатов атомов, доступных массовому наблюдению статистическими и индуктивными методами. В физических и психосоциальных науках эти методы часто открывают случайные схожести отношений таких феноменов. На основе открытых сходств часто можно предсказать их будущие состояния с различной степенью точности в пределах заданных условий и пространственно-временных границ.

Наконец, современные биофизические науки четко отличают класс биологических и психосоциальных систем от "беззаконного физического микрокосма" отдельных атомов или частиц и от крупных скоплений атомов или частиц макрофизики с их вероятностными отношениями и сходствами. Биологические и социокультурные системы, сколь бы малым ни было представленное ими число атомов, обнаруживает упорядоченные отношения и иногда сходства, достаточно отличные от указанных выше двух классов. Физики обозначают эти отношения и сходства в терминах от "внутреннего закона направления" (Эддингтон) до порядка, определяемого как "свободная воля" (Планк), "сознательный ум" или Атман (Шрёдингер), или "сознательное волевое решение" (Маргенау). Анализ Шрёдингером генов и биологических организмов иллюстрирует отличие биологических систем от микрофизических и макрофизических феноменов. Будучи небольшим скоплением атомов, гены принадлежат к микрофизическому миру и как таковые должны бы обнаруживать прерывность, неопределенность, непредсказуемость и "беззаконие" микрофизических феноменов. Вместо этого гены оказываются весьма интегрированными системами. Они содержат в себе некий "паттерн полноты" или "пленотип" соответствующего организма - сумму его наследственных характеристик. Более того, гены сохраняют специфическую индивидуальность, не меняясь от поколения к поколению. Посреди вечно меняющихся условий среды они несут с собой свою неприкосновенность и "пленотип", таким образом предопределяя существенные характеристики организма и стадии его жизненного пути. Так "невероятно малые группы атомов, слишком малые для проявления точных статистических законов, все-таки играют доминирующую роль в наиболее упорядоченных и закономерных явлениях живого организма" (Шрёдингер).

Эти качества организма как системы, несущие в себе основы своей индивидуальности и вечности, самонаправляемой перемены и перехода через имманентно предопределенные фазы жизненного цикла, применим - с небольшими вариациями - к социокультурным системам. С момента возникновения они также несут основные фазы своей жизненной траектории, и эта траектория в основном есть разворачивающаяся реализация их потенциала. Подобно генам и организмам они имеют реальную степень автономии от внешних сил. Внешние силы могут сдерживать или усилить полную реализацию потенциала системы (присущий ей "пленотип"); иногда они могут даже разрушить систему; но они не могут радикально изменить присущие ей свойства и последовательность состояний (фаз) ее жизненной траектории, если эта последовательность - неотъемлемая часть этой траектории. Изменение "унивариантной" социокультурной системы отличается от перемен "бивариантной" или "многовариантной" систем; формы, фазы, ритмы, периоды и направления количественных и качественных перемен различаются в каждой личностной или социокультурной системе в основном в соответствии с ее природой. В этом смысле всякая система формирует собственную судьбу. Эти качества системы требуют следующих модификаций в методах их изучения.

А. Изучаемая система должна исследоваться как единое смысловое и причинное целое с тройной взаимозависимостью: компонентов системы, между всей системой и ее компонентами, между всеми компонентами и всей системой.

Б. Изучение системы должно идти не только "от частей к целому" и "от каждой части к

другой части", но в еще большей мере "от целого к частям" (по линиям тройной взаимозависимости).

8. Любое объяснение важных структурных качеств всей системы, свойств ее основных частей и объяснение ее "физиологических" (повторяемых) процессов, а также фаз, через которые система проходит в период своей жизни - ее ритмы, периодичность и другие изменения, - *должны исследоваться, прежде всего, в самой системе, в ее жизненных функциях; в природе образующих ее значений, ценностей, норм и "средств передачи, материальных средств сохранения"; в ее человеческих единицах и их отношениях друг с другом; во-вторых, в отношениях системы к другим системам, по отношению к которым она является подсистемой или с которыми она входит в большую систему; в-третьих, в ее полной социокультурной среде.* Остаточные проблемы могут быть "объяснены" биофизической средой системы или вмешательством неких внешних - непредвиденных и непредсказуемых - "факторов", сил и событий.

Это значит, что структурные и динамические качества системы и ее жизненный путь не могут быть "объяснены" просто факторами окружающей среды, или частью системы, принятой за "фактор" всей системы (то есть "экономической", "идеологической", "технологической" или иной частью системы), как они необъяснимы с помощью формул типа "стимул-ответ", "вызов-реакция" и других процедур, которые просто не видят систему единым целым.

Методы изучения социокультурных скоплений и систем, показанные выше, в сущности, согласуются с аналогичными выводами биофизических наук. С некоторыми изменениями эти заключения подтверждены также большинством социологов, - специалистов по проблемам эпистемологии, методологии и логики.

9. Существует и достаточно полная ясность об абстрактно-эмпирическом характере важных "сущностных" социологических теорий. *Ни одна важная теория не может быть чисто абстрактной, лишенной соответствующего эмпирического содержания, как не может она состоять лишь из собранных эмпирических фактов без адекватной объясняющей теории.* "Фактологические" социологические исследования последнего времени аккумулировали горы эмпирических данных, но только скромная их часть принесла значимые заключения или открытия схожестей "среднего уровня" общностей. Большая часть исследований дала чисто местный, временной "информационный" материал, лишенный адекватной ценности. Основная причина скудости результатов - отсутствие должной адекватной теории.

В противоположность этим недостаткам эмпирических исследований большая часть абстрактных теорий последнего времени страдают "аскетическим отстранением" от эмпирических социокультурных реальностей. Будучи своеобразной смесью "призрачных" социально-системных моделей, лишенных эмпирического содержания, механистические аналогии "эквilibриума", "инерции", "термодинамических законов", "кибернетической обратной связи", "гомеостазиса" и спекулятивные "предпосылки" самосохранения систем⁹, - эти абстрактные схемы социальных систем образуют абстрактные сети со столь крупными ячейками, что практически вся "эмпирическая рыба" проходит через них, не оставляя ничего в руках рыболова-исследователя.

Кроме того, такие схемы конструируются столь "статичным" образом, что они не способны регистрировать большинство перемен в социокультурном водоеме, где ловят рыбу. В результате "аскетического отстранения" от эмпирических социокультурных фактов они не способствуют нашему пониманию эмпирических реальностей надорганического мира. В настоящее время недостаточность односторонних теорий общепризнана, и социологи всех "деноминаций" все больше стремятся ее избегать. Короче, растущее сближение разных течений социологической мысли, вероятно, есть тенденция, которая продолжится.

Наконец, четвертый аргумент моего прогноза таков: несмотря на видимые нестыковки и противоречия, *существующие теории исключают друг друга или противоречат одна другой только тогда, когда они неверны, в то время как в ряде важнейших положений они скорее дополняют друг друга, нежели противоречат друг другу.* Каждая содержит в себе, наряду с ошибочными или сомнительными аспектами, корпус верных утверждений, вполне совместимых с доказанными утверждениями других теорий или дополняющих их. С учетом

⁹ Эти механистические аналогии познавательного характера гораздо более вводят в заблуждение, чем "организмические аналогии" предшествующего периода.

многомерности всей социокультурной реальности вполне естественно, что каждое течение социологической мысли обращено к разным аспектам этой многообразной реальности и акцентирует ее различные аспекты. В той мере, в которой эти аспекты реальны и верно отражены другими теориями, каждая теория разумна и совместима со здоровыми частями иных теорий. Более того, эти здоровые части могут быть соединены, включены в некую более "многомерную" и более адекватную *интегральную* теорию, дающую знание надорганического мира полней, точнее всех существующих теорий. Некоторые несовершенные попытки построения интегральных теорий делались; моя интегральная система - одна из несовершенных попыток. Без сомнения, лучшие, более адекватные интегральные системы социологии выстроятся в будущем.

В своих здоровых частях сингуляристски-атомистические теории социальных, культурных и личностных скоплений совместимы со здоровой основой системных теорий и дополняют их, так как каждый класс этих теорий дает действительное знание сингуляристских и системных форм общей надорганической реальности. Здоровая часть макросоциологических теорий крупных социокультурных систем и суперсистем дополняет микросоциологические исследования малых групп и малых культурных единиц. Социологии культурных систем и скоплений дополняют социологии социальных систем и скоплений. Обоснованные вклады аналитического, структурно-функционального, диалектического, эмпирического, интегрального и других течений социологической мысли вполне взаимно совместимы. То же можно сказать о дуалистичной, трихотомической и других типологиях: каждая из них "открывает" особое измерение социокультурной реальности и тем самым обогащает наше знание о ней. Измерения типа "общество-сообщество" (*Gemeinschaft-Gesellschaft*), "военный-промышленный", "духовный-светский", "семейный-договорной-принудительный", "первичный-вторичный" и другие типологии не противоречивы, а взаимодополняемы: в сумме они дают более полное знание большего числа измерений человеческого мира, чем каждая из них в отдельности. Если все эти типологии интегрировать логически и эмпирически в единую систему, наше знание всей надорганической реальности обогатится и станет адекватнее.

Аналогичные соображения применимы почти ко всем другим различиям между кажущимися несогласованными социологическими теориями социальных перемен, между классификациями социальных групп, культурных систем, повторяющимися "психологическими процессами" в системах, "эволюционными тенденциями" и между многими другими базовыми теориями. Почти все из них содержат долю истины - одни большую, другие - меньшую, - и эти здоровые доли могут и будут во все большей мере интегрироваться в научно адекватные теории грядущей социологии.

Таковы, вкратце, аргументы в пользу моего прогноза контуров интегральной социологии будущего. Из двух путей социология выберет путь творческого роста и в итоге вступит в новый период великого синтеза. Надеюсь, в этом предположительном прогнозе я смогу быть столь же удачлив, как в прежних моих предсказаниях о войнах, революциях, освобождении в человеке от "худшего из зверей", диктатурах и других переменях в социокультурной жизни, которые я сделал в конце 1920-х гг. и повторил с детальными подробностями в моей "*Динамике*"¹⁰. Несмотря на резкую критику моих "предсказаний", почти все они сбылись. Надеюсь, и мои предположения о "чертах социологии будущего" подтвердятся ее реальным развитием в будущем.

¹⁰ См. "Dynamics", т. III, гл. 16 и т. IV, гл. 17, а также *The Crisis of Our Age*, NY: E.P. Dutton, 1941.